

Научная статья
<https://doi.org/10.22455/2541-7894-2021-10-83-99>
УДК 821.111

This is an open access article
distributed under the Creative
Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

Антон КАЛАШНИКОВ

ИСКУПИТЕЛЬНАЯ ЖЕРТВА В РОМАНЕ ДЖ. ГАРДНЕРА «ГРЕНДЕЛЬ»: ОПЫТ АНАЛИЗА ПОЭТИКИ В СВЕТЕ РИТУАЛЬНО-МИФОЛОГИЧЕСКОГО ПОДХОДА

Аннотация: Статья посвящена анализу романа американского писателя Дж. Гарднера (1933–1982) «Грендель» (1971) в свете культурологических концепций мифа и ритуала М. Элиаде, Р. Жирара, В.Н. Топорова. Дается краткий обзор литературоведческих исследований о «Гренделе», касавшихся ритуально-мифологического направления исследования данного романа. Гипотеза исследования предполагает, что ключевые особенности поэтики Гарднера могут быть последовательно проанализированы с привлечением ритуально-мифологического концептуального контекста, тогда как предшествующие работы, затрагивавшие подобную проблематику при анализе «Гренделя», в основном лишь дополняли отдельными концепциями ритуально-мифологической критики тот или иной аналитический аппарат, основанный на другой методологии, — например, на теории литературных заимствований и интертекста (Х. Эллис, У. Обер) или на литературной социологии в духе П. Бурдьё (Б. Эжелунд). При рассмотрении «Гренделя» в автономном концептуальном контексте мифа и ритуала представляется необходимым выделение соответствующих ключевых категорий. В соответствии с «функциональной» теорией Б. Малиновского, рассматривавшего миф и ритуал как два взаимодополняющих аспекта архаической культуры, имеющей теоретическую (миф) и практическую (ритуал) составляющие, в данном исследовании предлагается считать контекстообразующими две концепции ритуально-мифологической критики: этиологизм мифа (его стремление к осмыслению всех явлений через их отношение к «первоначалу») и сосредоточенность ритуала на личности в роли «искупительной жертвы». Таким образом, рассматриваемые в статье особенности поэтики Гарднера — это, прежде всего, этиологизированность нарратива в романе «Грендель» и построение образа протагониста как «жертвы отпущения» (в терминологии Р. Жирара).

Ключевые слова: миф, ритуал, американская проза XX в., модернизм, Джон Гарднер, Рене Жирар, Мирча Элиаде.

Информация об авторе: Антон Александрович Калашников, аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет, Университетская наб., д. 7–9, 199034 г. Санкт-Петербург, Россия. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-8432-0180>. E-mail: anton.al.kalashnikov@gmail.com.

Для цитирования: Калашников А.А. Искупительная жертва в романе Дж. Гарднера «Грендель»: опыт анализа поэтики в свете ритуально-мифологического подхода // Литература двух Америк. 2021. № 10. С. 83–99. <https://doi.org/10.22455/2541-7894-2021-10-83-99>

Research Article

<https://doi.org/10.22455/2541-7894-2021-10-83-99>
UDC 821.111

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY 4.0)

Anton KALASHNIKOV

THE REDEMPTIVE SACRIFICE IN J. GARDNER'S NOVEL *GRENDDEL*: AN ANALYSIS OF THE NOVEL'S POETICS IN LIGHT OF RITUAL-MYTHOLOGICAL CRITICISM

Abstract: The paper presents an analysis of the novel *Grendel* (1971) by American writer J. Gardner (1933–1982) in light of M. Eliade's, R. Girard's and V. Toporov's concepts of myth and ritual studies. Literary studies concerning the ritual-mythological aspect of the novel are reviewed in the article. The research hypothesis suggests that the key features of Gardner's poetics can be systematically analyzed in the context of myth and ritual. Meanwhile, the bulk of previous research covering the issue tended to rely primarily on other analytical frameworks, like P. Bourdieu's sociology of literature (B. Ekelund) or the theory of intertextuality (H. Ellis, W. Ober), the myth and ritual theory playing a supplementary role. While placing myth and ritual theory at the core of the methodology, the present study highlights its two key categories singled out in line with B. Malinowski's "functionalist" view of myth and ritual as two complementary aspects of the archaic culture — the "theoretical" one (myth) and the "practical" one (ritual). Here they are presented as the etiological nature of myth (i.e. its ability to view all phenomena as dependent on the primordial origin of the universe) and the redemptive sacrificial ritual. Accordingly, the etyologization of *Grendel's* narrative and the presentation of the protagonist as an "emissary victim" (in Girard's terms) are the specific features of Gardner's poetics which the paper primarily addresses.

Keywords: myth, ritual, 20th century American prose, modernism, John Gardner, René Girard, Mircea Eliade.

Information about the author: Anton A. Kalashnikov, PhD student, St. Petersburg University, Universitetskaya nab. 7–9, 199034 St. Petersburg, Russia. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-8432-0180>. E-mail: anton.al.kalashnikov@gmail.com.

For citation: Kalashnikov, Anton. "The Redemptive Sacrifice in J. Gardner's Novel *Grendel*: an Analysis of the Novel's Poetics in Light of Ritual-Mythological Criticism." *Literature of the Americas*, no. 10 (2021): 83–99. <https://doi.org/10.22455/2541-7894-2021-10-83-99>

Роман писателя и филолога Джона Гарднера (1933–1982) «Грендель» (*Grendel*, 1971) еще при жизни автора стал материалом для исследования в духе ритуально-мифологической критики. Это естественно, поскольку речь идет о произведении, представляющем собой подробный пересказ части англосаксонского эпоса «Беовульф» с точки зрения монстра из оригинальной поэмы. Тем не менее нельзя сказать, что исследователи исчерпали всю проблематику, которую можно обнаружить при использовании ритуально-мифологического концептуального аппарата для анализа романа Гарднера.

Уже в 1978 г. была написана статья Д. Минью о зодиакальной символике в «Гренделе» (каждая из его двенадцати глав включает образ, ассоциированный с одним из знаков зодиакального цикла). Не вдаваясь в подробности ритуально-мифологических импликаций этой символики в целом, Минью воссоздал ряд семантических связей [Minugh 1978: 127–141], которые подразумевают использование Гарднером образов Зодиака в «Гренделе»: например, исследователь указал каждую из планет, связанных с зодиакальными символами, и предположил, каким образом мифологическая семантика названий планет проявляется в мотивной структуре романа. Это исследование было продолжено в 1990 г. Б. Фосеттом и Э. Джонс, которые предприняли попытку восстановить также связи между зодиакальными образами и «главными идеями цивилизации Запада», «героическими ценностями» последней, на символическое выражение которых в «Гренделе» указывал сам Гарднер в одном из интервью [Fawcett, Jones 1990: 635–640].

В 1982 г. Х. Эллис и У. Обер в авторитетной статье о литературных источниках «Гренделя» исследовали преломление авторской мифологии У. Блейка («Бракосочетание рая и ада») в романе [Ellis, Ober 1982: 52–61]. Однако представляется, что целостное рассмотрение «Гренделя» в аспекте ритуально-мифологической поэтики началось чуть позже, в 1983 г., когда Д. Кауэрт предпринял попытку описания «архетипической» структуры художественного мира «Гренделя» как произведения, которое «анализирует развитие религии как таковой» [Coward 1983: 49–53]. Еще год спустя Г. Моррис выдвинул тезис о том, что для Гренделя, протагониста романа Гарднера, импульсом для противостояния людям становится отвращение к ритуализму человеческой культуры [Morris 1984: 56–57]. При этом Моррис сосредоточился в своем анализе «Гренделя» на реализации платоновского представления о трехчастной человеческой душе в сюжетной и мо-

тивной структуре романа. Согласно Моррису, Гарднер, возводивший к концепции трехчастной души различные мифологии, а также сюжеты античных и средневековых эпических поэм¹, сделал эту идею основой и для образного ряда «Гренделя» [Morriss 1984: 53–60, 70].

К вопросу о христологичности образа Беовульфа, а также к проблематике конфликта веры и разума и к мотивной реализации «мифа растительности» в «Гренделе» обращался П. Винтер в монографии о поэтике Гарднера (1992) [Winther 1992: 164–177]. И Винтер, и позднейшие исследователи романа указывают на символическое уподобление Беовульфа Христу как в гарднеровской филологической трактовке англосаксонского эпоса, так и в романе «Грендель». Подобной интерпретации касалась А.А. Липинская [Липинская 2003: 65–66], а также С. Хьортдаль, которая в своей диссертации рассматривает «Гренделя» как актуализацию древнеанглийского первоисточника в литературе XX в. [Hiortdahl 2008: 5–8]

Наконец, в объемном исследовании о творчестве Гарднера в контексте теории «литературного поля» П. Бурдые шведский литературовед Б. Экелунд прокомментировал аксиологическую амбивалентность ритуально-мифологической образности в «Гренделе», а также ее ироническое преломление в поэтике романа. Последнее основывается на том, что Грендель, повествуя о двенадцати годах своей «войны» с человеческой цивилизацией, постоянно выстраивает образные ряды, организуемые мифологической семантикой сакрального, — но сам протагонист не может быть оператором подобной семантики, поскольку он не является полноценным проводником человеческой культуры, в которой знаки сакрального создаются и развиваются [Ekelund 1995: 296–301]. На аккумуляцию такой иронии в «Гренделе» указывал также Дж. Хауэлл [Howell 1993: 78].

Несмотря на то, что многие отдельные аспекты реализации ритуально-мифологического концептуального поля в «Гренделе»

¹ В документальном фильме Р. Мура о писательской работе Гарднера в период его преподавания в Университете Южного Иллинойса (Карбондейл) показан фрагмент интервью, в котором писатель сравнивает части платоновской «схемы» трехчастной души с главными персонажами индуистской и христианской мифологий, а также с концепцией структуры личности Фрейда (Richard O. Moore, *John Gardner: A Defense Against Darkness* (Perspective Films, 1975), 16 mm film, https://archive.org/details/thewriterinamericajohngardner_20150518). Б. Силески в своей биографии Гарднера указывает, что тот использовал понятие трехчастной души в качестве одной из базовых концепций своих университетских курсов уже в 1967 г., за четыре года до публикации «Гренделя» [Silesky 2004: 121].

уже были исследованы в гарднероведении, рассмотрение этого поля как целостности, объединяющей поэтику всего художественного творчества Гарднера и ярко реализующейся в данном романе, до сих пор не было предпринято. Такая задача подразумевает масштабное исследование всего наследия Гарднера в свете взаимодействия культурных полей художественного и ритуально-мифологического. Основной целью данной работы, однако, является лишь рассмотрение мотива искупительной жертвы, связанного с образом протагониста романа «Грендель» в общем контексте ритуально-мифологической семантики.

Источниками аналитической концепции нашего исследования стали прежде всего концепции Р. Жирара, М. Элиаде и В.Н. Топорова. Важную роль сыграла также «функциональная» теория внутреннего единства мифа и обряда (ритуала) Б. Малиновского: в первобытном мировосприятии миф и ритуал являются двумя разными аспектами культуры, «теоретической» (миф) и «практической» (ритуал) ее сторонами, возникающими и развивающимися одновременно [Малиновский 2004: 52–54]. «Функционализм» Малиновского служит фундаментом ключевых концепций мифа и ритуала у Жирара.

Важный аспект «ритуально-мифологической поэтики», выделяемый в данном исследовании, связан с этиологизмом мифа; миф стремится через повествование о происхождении мира связать наличную реальность с универсальным благом первоначалом. Современные же произведения мифологизирующего словесного искусства стремятся этиологизировать бытие осознанно по примеру древней мифологии. Они одновременно ведут к первоначалу человеческого социума и рефлексуют об этом пути, совершающемся через язык. При этом миф как аутентичное отражение «инкорпорированного» сознания не рефлексует, а только «ведет»; а современная научная логика — например, в дисциплинарных рамках исторической антропологии — не «ведет» к первоначалу, а лишь рефлексует о мифологических и ритуальных истоках культуры. Мифологизирующий литературный текст объединяет эти ситуации.

Элиаде собирает этиологический механизм мифа в понятие мифологического «анамнеза» («anamnesis», термин Платона). Память о деталях регулярно разыгрываемого мифа, который ведет в абсолютное прошлое, является добродетелью в традиционных культурах; забвение же мифа — грехом и источником других грехов [Элиаде 2014: 112–119].

Сами по себе ритуально-мифологические аллюзии в текстах Гарднера этиологичны, однако в его произведениях можно отметить и другие очевидные этиологические ходы, косвенно связывающие его творчество с контекстом мифа. Такую функцию выполняет воссоздание материала англосаксонского эпоса — одного из первых масштабных памятников английской письменной культуры — в «Гренделе». Другим ярким примером служит роман «Крушение Агатона» (*The Wreckage of Agathon*, 1970), этиологизирующий всю западную цивилизацию через описание ее исторического прототипа — Древней Греции, в изображении которой акцентирован политический дуализм, характерный для XX в.: Афины предстают в виде прототипической хаотизированной демократии, а Спарта — централизованного тоталитаризма [Калашников 2020: 149]. А в повести «Королевский гамбит» (*The King's Indian*, 1974) актуализируется прототипический американский мифогенный хронотоп корабля-китобойца из «Моби Дика» Г. Мелвилла и «Повести о приключениях Артура Гордона Пима» Э. По.

Интрадиегетический нарратор «Гренделя», будучи центральным действующим лицом гарднеровского романа, рассматриваемого в ритуально-мифологическом аспекте, играет роль ритуальной жертвы, а в каком-то отношении и жреца, приносящего эту жертву. Рассказчик, в своей речи пересоздающий мир, который он описывает, — в каком-то смысле «автор» этого мира. Как писал Аверинцев, в семантическом поле латинских понятий «автора» (“*auctor*”) и «авторитета» (“*auctoritas*”) — дериватов глагола “*aueo*” («учиняю, привожу в бытие») — содержится ассоциация с инстанциями монарха, жреца и бога [Аверинцев 1994: 105].

Размышления Жирара о насилии как главном факторе ритуализации и мифологизации человеческого общества очень ценны для анализа позиции интрадиегетического нарратора у Гарднера. Смерть Гренделя связана с ритуальным пересозданием мира в жертвоприношении. Важны взаимоотношения насилия, в контексте которых эта жертва приносится, — не только двенадцатилетняя «война» Гренделя с Хродгаром, но и постоянные войны и интриги, которые разворачиваются между королем данов и его соседями и родственниками. Агрессия и жестокость по отношению друг к другу составляют основные черты человеческого рода, которые отмечает Грендель, и стоит подчеркнуть, что в гарднеровском романе, по сравнению с эпосом «Беовульф», тема конфликтов между людьми развита гораздо подробнее.

В условиях всеобщего социального насилия взаимодействие героя романа Гарднера с человечеством формируется как отношения «Другого» с коллективом, отчуждающим его от себя ради ритуального самоопределения. Борьба Гренделя с танами Хродгара — это определяющий фактор развития человеческой цивилизации, как поясняет дракон-философ в романе [Gardner 1972: V, 62²].

Протагонист романа «Грендель» находится в ситуации ритуальной жертвы, но стремится травестировать эту ситуацию, «взорвать» ее мифологический дискурс изнутри. Он отчасти принимает ее, но в нигилистической редакции, лишенной веры в миф, в таком варианте, который доступен другим персонажам-нигилистам — дракону и крестьянину Рыжему Коню. Грендель обнаруживает [Gardner 1972: VII, 79], что для него нет смысла уничтожать Хродгара, что он так же самоопределяется в качестве монстра в этой войне, как и люди выстраивают свое самоопределение в борьбе с ним. Так взаимно определяются социум и личность в ритуальном механизме взаимодействия общины и жертвы, «козла отпущения».

Согласно теории Жирана, в мифогенной ситуации человеческое сообщество объединяется против «жертвы отпущения» (“*victime émissaire*”), которую оно считает повинной в своих бедах. После принесения искупительной жертвы следует облегчение несчастий сообщества, что ведет к сакрализации жертвы, которая теперь видится не только как источник беды, но и как избавитель от нее. Ритуальное жертвоприношение сплавивает человеческое сообщество, служит основой для религии, которая регламентирует выработанные благодаря мифогенному импульсу нормы социального поведения и категории взаимоотношений человека с трансцендентным миром.

Грендель пытается обесмыслить этиологизм мифа и ритуал. Однако он также принимает свою роль в ритуальной ситуации и находит в ней источник самоопределения, аналогичный самоопределению людей, которое достигается через насилие над жертвой. Подобное стремление использовать ритуал в собственных — изначально не самостоятельных — целях сопровождается высказываниями Гренделя, направленными на травестию мифологического мировосприятия

² Здесь и далее ссылки на роман «Грендель» приводятся по изданию: [Gardner 1972], с указанием номера главы (римские цифры) и страницы (арабские цифры). В большинстве случаев перевод цитируемых фрагментов романа осуществлен автором статьи. Там, где используется перевод романа Н. Махлаюка и С. Слободянюка, дается ссылка на русскоязычное издание: [Гарднер 1994].

людей. Так, в шестой главе Грендель сталкивается с Унфертом, претендентом на мифологический статус героя при дворе Хродгара, и развенчивает его героизм, отказываясь от поединка с ним. После этого, когда Унферт приходит в пещеру Гренделя, желая героически погибнуть в поединке с чудовищем, протагонист относит его, потерявшего сознание, назад в Оленью палату, чтобы окончательно разрушить героический миф [Gardner 1972: VI, 74–78].

Начало травестии мифа и ритуала, осуществляемой Гренделем, стоит искать в сцене его распятия на двух дубовых стволах во второй главе, когда протагонист впервые встречает людей [Gardner 1972: II, 17–21]. Этот эпизод, данный с точки зрения Гренделя, нелепо-смешон: люди с первой минуты признают в нем духа, достойного поклонения. Особенно комично звучит предложение одного из советников Хродгара принести жертву новоявленному «духу дуба», чтобы заслужить его благоволение:

Он внезапно улыбнулся, как будто в его голове вспыхнуло священное видение. «Он ест свиней! — сказал он. В его выражении читалось сомнение. — Или, может, дым от свиней. Он сейчас в переходном состоянии».

(He smiled suddenly, as if a holy vision had exploded in his head. “He eats pig!” he said. He looked doubtful. “Or maybe pigsmoke. He’s in a period of transition” [Gardner 1972: II, 19–20].)

Намерение принести жертву «духу» сменяется агрессией со стороны людей, когда Грендель пытается вступить с ними в диалог. Они атакуют его, и в кульминационный момент этого эпизода протагонист громкогласно заявляет, что их ритуально-мифологическая логика абсурдна:

«Вы все сумасшедшие! — заревел я. — Вы все безумцы!»
Никогда в жизни я еще не вопил так громко.

(“You’re all crazy,” I bellowed, “You’re all insane!” I’d never howled more loudly in my life [Gardner 1972: II, 21].)

Помимо воспоминаний об изначально травестийном моменте распятия на двух дубовых стволах, Грендель неоднократно возвращается к образу распятия младенца-Орка (см.: [Frye 1947: 227]) из блейковского эпитафия к роману (строки из стихотворения «Стран-

ствие» — *The Mental Traveller*, 1803), ассоциируя себя с этим младенцем. В конце седьмой главы воспоминанием о себе как об изначально невинном «младенце-Гренделе» протагонист объясняет решение совершить самоубийство [Gardner 1972: VII, 95]. В следующий момент, вольно цитируя Тодда Эндрюса из «Плавучей оперы» Дж. Барта, Грендель сообщает, что он передумал «без особой на то причины» (“for no particular reason” [Gardner 1972: VII, 95]). Такой отказ — «без особой на то причины» — от самоубийства, т. е. от совершения одного из вариантов ключевого ритуального действия «искупительной жертвы», тоже направлен в сознании Гренделя на травестию ритуала.

Однако протагонист остается центральным персонажем своего собственного мифа и ритуальной жертвой, которую этот миф описывает. Больше никем Грендель — с его нигилистическим сознанием, производным от человеческого мифологического мировосприятия, которое сам же герой пытается развенчать, — быть не может.

Одним из следствий роли Гренделя как «жертвы отпущения» является фрактальное отражение в нем человечества, о котором говорит герою дракон [Gardner 1972: V, 62]. Оно проявляется в отождествлении протагонистом себя с различными представителями человеческого рода — например, с Хродульфом, племянником Хродгара, стремящимся узурпировать трон своего дяди [Gardner 1972: VIII, 98–101].

Грендель сравнивает себя и с Унфертом, претендующим не только на сверхчеловеческую славу, но и на «страдания», подобные Гренделевым [Гарднер 1994: 334] (“misery like mine” [Gardner 1972: VI, 76]). Помимо этого, Унферт, как и Беовульф, является человеком, который понимает речь монстра. Иронизируя над эпико-мифологическим идеалом героя, Грендель заявляет, что Унферт в своих подвигах ищет «радости самопознания» (“the joy of self-knowledge” [Gardner 1972: VI, 73]). Весь нарратив протагониста направлен к той же цели, и перед самой своей смертью он спрашивает себя: «Это радость — то, что я чувствую?» (“Is it joy I feel?” [Gardner 1972: XII, 152]). Важно, что, впервые встретив Унферта как инициатора поединка один на один, Грендель называет его «своим спасением» (“my salvation” [Gardner 1972: VI, 71]). В этой сцене протагонист разыгрывает в отношении своего противника пародийный ритуал побиения яблоками³ вместо настоящей схватки. Этим Грендель пытается продемонстрировать,

³ Яблоко — типичный мифологический образ «возрождающего и омолаживающего плода» [Элиаде 2015: 255].

что искупительный ритуал — лишь смешная игра. Но тем не менее побиение яблоками, которое монстр устраивает Унферту, все-таки ставит последнего в позицию ритуальной жертвы, аналогичную Гренделевой. Именно эта позиция позволяет достичь самопознания, как это предполагает миф о распятии Одина на Иггдрасиле или — в определенном контексте — сюжет распятия Христа.

Грендель отождествляется и с Хродгаром, когда ему в уста вкладывается стихотворение Т. Кинселлы в конце восьмой главы, в котором тоже присутствует аллюзия на ритуальное распятие лирического героя, созерцающего переплетенные дубовые стволы. Отождествление подтверждается смешением имен в издевательских куплетах протагониста в седьмой главе: «Жалкий, бедный Хренгар, / Гротделю он враг!..» [Гарднер 1994: 337] (“Pity poor Grengar, / Hrothdel’s foe!..” [Gardner 1972: VII, 80]).

Отождествление Гренделя с Орком, старым жрецом данов, осуществляется через эпиграф к роману: если образ распятого младенца Грендель примеряет на себя, то именем героя Блейка — Орк — надеется разбитый параличом жрец.

Параллель между Гренделем и Сказителем, эпическим поэтом при дворе Хродгара, присутствует в четвертой главе. Сравнивая себя со Сказителем и Хродгаром, Грендель считает, что его удел несправедлив на их фоне, ведь им есть с кем поговорить, а он одинок. Но он тут же признает, что неправ: Сказитель адресует людям свою поэзию, но те не понимают его; Хродгар планирует основать династию и утвердить свой человеческий смысл в мироздании, но его наследники не продолжают его дело [Gardner 1972: IV, 45]. Грендель в своем экзистенциальном и жертвенном одиночестве подобен как Хродгару, так и Сказителю.

Как Сказитель, Грендель творит свой миф о блудном сыне — нигилистическом сознании, которое в итоге сольется с всеобщим сознанием и бытием. Этим протагонист дополняет великий миф, рецитацией которого занят Сказитель, актуализируя его для человека XX в., которому проще поставить себя на место монстра, цитирующего Сартра [Mason 1985: 101–102], чем отождествиться с героем вроде Беовульфа либо Христа, Ахиллеса или Данте — если вспомнить образцовые примеры литературных героев из эссе-манифеста Гарднера «О нравственной литературе» [Gardner 1978: 36].

Как указывал Дж. Гарднер, после смерти Сказителя в десятой главе его наследником становится Грендель [Chavkin 1990: 36–37], несмотря на наличие у Сказителя юноши-ученика. Но чем так ценен

миф, рассказанный с точки зрения монстра, помимо того, что он аксиологически доступней современному читателю? Ключевое преимущество гренделевской точки зрения на миф кроется в роли героя как ритуальной жертвы.

Позиция протагониста отчасти аналогична позиции Христа, как ее описывает Р. Жирар [Жирар 2019: 206–210]. Люди семантизируют Гренделя как «искупительную жертву», а потом убивают, чтобы достичь самоидентификации в борьбе с монстром как порождением хаоса. Несправедливое обвинение, конфликт с людьми и смерть героя мы видим именно его глазами, глазами жертвы. Конечно, нельзя назвать Гренделя в полной мере аналогом жираровского Христа, ведь он не невинен. Гренделя роднит с жертвами дохристианских жертвоприношений то, что он виноват в страшных преступлениях против основных культурных различий, он «преступник по преимуществу», ему «ничто не свято» [Жирар 2010: 140].

В своем опыте создания «нравственной литературы» Гарднер не мог обойти стороной наследие Достоевского, которого часто цитировал в своей рефлексии о писательстве [Chavkin 1990: 84–85, 151–152]. Грендель, движимый отрицаемыми им этиологическими основаниями своего мышления, пытается переложить всю ответственность за конфликт с людьми на последних. В связи с семантикой «преступления» стоит вспомнить о параллели между Гренделем и героями Достоевского, на которую уже обращали внимание исследователи: Л. Холли сравнивала гарднеровского протагониста с рассказчиком «Записок из подполья» [Holley 1985: 105–108]. М.А. Монкевич пишет об «этической прививке» как ключевой особенности поэтики Достоевского [Монкевич 2019: 173–174]. Читатель последнего, отождествив себя с героем-«преступником» — например, Раскольниковым или героем-иммoralистом («человеком из подполья») — и переболев его болезнью, возвращается на путь моральной жизни.

Медицинское представление о «прививке» может быть возведено к ритуальной инициации и эффекту катарсиса («очищения»), закрепляющемуся в инициационном мифе [Жирар 2010: 380–384]. Суть прививки — поместить «чуть-чуть» болезни в организм, как ритуал вносит «чуть-чуть» насилия в социум, «чуть-чуть» хаоса — в индивидуальное сознание, чтобы выработалось сопротивление к насилию и хаосу.

Сталкиваясь с Беовульфом, Грендель не может себя спроецировать в личность христологического героя, отождествить себя с ним, как с другими людьми. Беовульф, ассоциирующийся в романе с зодиакаль-

ным знаком Рыб (символ Христа) и нигде не названный Гренделем по имени, исключителен среди людей. Он — истинный жрец и жертва, разыгрывающий ритуальную драму на самом высоком, трансцендентном уровне, ведь он по-настоящему берет на себя — а не только претендует на это, как Унферт, — подвиг служения человечеству и смерти за него (в поединке с драконом, как мы знаем по англосаксонскому эпосу). Он отождествляет себя с Гренделем по собственной инициативе, как Христос, садящийся за трапезу с мытарями и грешниками:

Мир таков, как ты видишь его, пока это видение длится, темная история кошмара, время как гроб; но там, где вода была льдом, будут рыбы, и люди выживут, питаюсь их плотью до весны. Это грядет, брат мой — веришь ты этому или нет.

(As you see it it is, while the seeing lasts, dark nightmare-history, time-as-coffin; but where the water was rigid, there will be fish, and men will survive on their flesh till spring. It's coming, my brother. Believe it or not [Gardner 1972: XII, 149].)

В то же время Беовульф осуществляет роль противника приговоренной к смерти жертвы — Гренделя — в ритуальном поединке. Такого противника Жирар обозначает термином бразильских индейцев тупи — «tobajara». При этом «более конкретное значение слова tobajara — жертва антропофагического пира. <...> Третье значение — свояк. Свояк замещает брата — самого естественного антагониста» [Жирар 2010: 369–370].

Беовульф в отождествлении с Гренделем выглядит как его «давно утраченный брат, родич-тан» (“long-lost brother, kinsman-thane” [Gardner 1972: XII, 148]). Геатский герой — одновременно и антропофагическая жертва для людей (это можно сравнить с ритуалом евхаристии): он есть рыба, плотью которой люди будут питаться до весны.

Грендель обретает веру в миф в бессознательном ответном отождествлении с Беовульфом и принимает ритуальную смерть, тем самым делая миф истиной. Замыкается важнейший сюжетный параллелизм романа: Грендель бросается в «бездны», которые он в первой главе объявлял «неодушевленными»:

Им не схватить меня и за тысячу лет, если только в безумном религиозном порыве я сам [в них] не прыгну.

(They will not snatch me in a thousand years, unless, in a lunatic fit of religion, I jump [Gardner 1972: I, 5].)

Перед смертью Грендель видит те же бездны под искривленными корнями дуба, кельто-германского священного дерева: «Я, кажется, узнаю это место» (“I seem to recognize the place” [Gardner 1972: XII, 152]).

Как писал Гарднер [Gardner 1983: 57–61], Грендель, совершая самоубийство, бессознательно пытается умиловить Бога, чтобы Бог не уничтожил его — и в конечном итоге отождествляется с Богом, пересоздавая его творение своей жертвой. Грендель чувствует, что сам он, подобно океанским волнам, несшим корабль Беовульфа, стал причиной их поединка и, следовательно, сам стремился к своему поражению, чтобы в нем утвердить миф.

Стоит вспомнить размышления Топорова о двуаспектности мифа и ритуала в архаическом мышлении: миф есть тот его аспект, который используется для тотально детерминистского объяснения мира, а ритуал представляет мир как сферу свободного самоопределения человека в отношениях с Богом и первобытным хаосом [Топоров 1988: 42]. Самоубийство Гренделя ритуально, оно совершается свободно ради примирения с Богом и пересоздания его взгляда на мир, т. е. мифа.

Подвига Беовульфа у Гарднера недостаточно для спасения человечества и утверждения мифа, поддерживающего жизнь. Обратная, столь же необходимая сторона этого подвига — самопожертвование Гренделя, пусть и совершающееся неосознанно. Вместе эти два аспекта актуализируют «миф биполярности (или двуединства) и восстановления целостности, “реинтеграции”» [Элиаде 2015: 353–355]. Такие мифы, зачастую рассматривающие Бога и Сатану, Ормузда и Аримана, Индру и Намучи как братьев-антагонистов, повествуют об их примирении в эсхатологическом «изначальном времени» (“*illud tempus*”), обнаруживают «совпадение противоположностей» (“*coincidentia oppositorum*”) в глубинной структуре божества. Лишь со смертью Гренделя миф приобретает истинность, которой он не имел в сознании людей, слушавших Сказителя и не понимавших его. Грендель, по выражению Гарднера, искупает мир актом своего воображения [Chavkin 1990: 14], восстанавливает в себе невинность младенца, подразумеваемую блейковским эпитафием к роману и отсылкам к образам этого эпитафа. Слова, бросаемые Гренделем

перед смертью всему миру живых существ, с которым герой воссоединяется, интерпретировались в англоязычном гарднероведении как амбивалентное высказывание — проклятие, которое может быть понято как благословение⁴. Это последняя строка в тексте романа:

С бедным Гренделем произошел несчастный случай, — шепчу я. — Такое может быть с каждым [Гарднер 1994: 392].

(“Poor Grendel had an accident,” I whisper. “So may you all” [Gardner 1972: XII,152].)

Последние слова Гренделя (“So may you all”) можно также понять как пожелание: «Да будет так со всеми вами».

Когда в читателе, переживающем инициацию через чтение гарднеровского романа, умирает Грендель, прежде одинокие жертвы ритуала — Хродульф, Унферт, Хродгар, Орк и в особенности Сказитель и сам протагонист — выходят из своего одиночества и становятся с читателем единым целым. Солипсическое сознание, воссоединяясь с единым смыслом бытия, перерождается в космическое сознание человечества.

Интенция разрушения мифа, сакральности, как и любых нравственных смыслов, и в конечном итоге — любой последовательной гносеологии и аксиологии, превращается в поэтике «Гренделя» в свою противоположность, в утверждение аксиологии посредством ритуализированной и мифологизированной повествовательности в ее взаимодействии с сознанием «иницируемого» читателя. Такая инверсия деструкции мифа и ритуала представляется одним из важнейших приемов в творчестве Гарднера: среди его романов этот прием можно обнаружить в «Воскресении» (*The Resurrection*, 1966), «Крушении Агатона», «Гренделе», «Диалогах с Солнечным» (*The Sunlight Dialogues*, 1972), «Призраках Микельссона» (*Mickelsson's Ghosts*, 1982). Однако в силу своего размера и стилистического богатства «Грендель» остается наиболее емким вариантом реализации этого приема во всей гарднеровской романистике.

⁴ Так, о двойной природе этого проклятия писал Хауэлл [Howell 1993: 86–88].

ЛИТЕРАТУРА

Аверинцев 1994 — *Аверинцев С.С.* Авторство и авторитет // Историческая поэтика. Литературные эпохи и типы художественного сознания. М.: Наследие, 1994. С. 105–125.

Гарднер 1994 — *Гарднер Дж.* Крушение Агатона. Грендель / пер. с англ., предисл., коммент. Н. Махлаюка, С. Слободянюка. СПб.: Академический проект, 1994. 397 с.

Жирар 2019 — *Жирар Р.* Вещи, сокрытые от создания мира. М.: Изд-во ББИ, 2019. 522 с.

Жирар 2010 — *Жирар Р.* Насилие и священное. М.: Новое литературное обозрение, 2010. 433 с.

Калашников 2020 — *Калашников А.А.* Ритуально-мифологический аспект поэтики романа Джона Гарднера «Крушение Агатона» // Американистика на Дальнем Востоке: ежегод. бюл. / отв. ред. Д.В. Кузнецов. Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2020. Вып. 6. С. 148–154.

Липинская 2003 — *Липинская А.А.* Роман Джона Гарднера «Грендель» в контексте филологических исследований автора: дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2003. 198 с.

Малиновский 2004 — *Малиновский Б.* Миф в примитивной психологии / пер. с англ. В.Г. Николаева // Вестник культурологии. 2004. № 1 (28). С. 40–94.

Монкевич 2019 — *Монкевич М.А.* Образ Христа и идея почвы (А.А. Григорьев — Ф.И. Тютчев — Ф.М. Достоевский). СПб.: РГХА, 2019. 208 с.

Топоров 1988 — *Топоров В.Н.* О ритуале. Введение в проблематику // Архаический ритуал в фольклорных и раннелитературных памятниках / отв. ред. Е.С. Новик. М.: Наука, 1988. С. 7–60.

Элиаде 2014 — *Элиаде М.* Аспекты мифа. М.: Академический проект, 2014. 234 с.

Элиаде 2015 — *Элиаде М.* Трактат по истории религий. М.: Академический проект, 2015. 394 с.

REFERENCES

Averintsev 1994 — *Averintsev, Sergei S.* “Avtorstvo i avtoritet” [“Authorship and Authority”]. In *Istoricheskaia poetika. Literaturnye epokhi i tipy khudozhestvennogo soznaniia* [Historical Poetics: Literary Epochs and Types of Artistic Consciousness], 105–125. Moscow: Nasledie Publ., 1994. (In Russ).

Chavkin 1990 — *Chavkin, Allan*, ed. *Conversations with John Gardner*. Jackson: University Press of Mississippi, 1990.

Cowart 1983 — *Cowart, David.* *Arches and Light: The Fiction of John Gardner*. Carbondale: Southern Illinois University Press, 1983.

Eliade 2014 — *Eliade, Mircea.* *Aspekty mifa* [Myth and Reality]. Moscow: Akademicheskii proekt Publ., 2014. (In Russ).

Eliade 2015 — Eliade, Mircea. *Traktat po istorii religii [Patterns in Comparative Religion]*. Moscow: Akademicheskii proekt Publ., 2015. (In Russ).

Ellis, Ober 1982 — Ellis, Helen B., and Warren U. Ober. “Grendel and Blake: The Contraries of Existence.” In *John Gardner: Critical Perspectives*, edited by Robert A. Morace and Kathryn VanSpankeren. Carbondale: Southern Illinois University Press, 1982: 46–61.

Ekelund 1995 — Ekelund, Bo G. *In the Pathless Forest: John Gardner's Literary Project*. Uppsala: Almqvist & Wiskell, 1995.

Fawcett, Jones 1990 — Fawcett, Barry, and Elizabeth Jones. “The Twelve Traps in John Gardner’s *Grendel*.” *American Literature* 62, no. 4 (December 1990): 634–647.

Frye 1947 — Frye, Northrop. *Fearful Symmetry: A Study of William Blake*. Princeton: Princeton University Press, 1947.

Gardner 1972 — Gardner, John. *Grendel*. New York: Ballantine Books, 1972.

Gardner 1994 — Gardner, John. *Krushenie Agatona. Grendel' [The Wreckage of Agathon; Grendel]*. Translated by Nikolai Makhlaiuk, Sergei Slobodianiuk. St. Petersburg: Akademicheskii proekt Publ., 1994. (In Russ).

Gardner 1983 — Gardner, John. *On Becoming a Novelist*. New York: Harper & Row, 1983.

Gardner 1978 — Gardner, John. *On Moral Fiction*. New York: Basic Books, 1978.

Girard 2019 — Girard, Rene. *Veshchi, sokrytye ot sozdaniia mira [Things Hidden Since the Foundation of the World]*. Moscow: Izdatel'stvo BBI Publ., 2019. (In Russ).

Girard 2010 — Girard, Rene. *Nasilie i sviashchenoe [Violence and the Sacred]*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2010. (In Russ).

Hiortdahl 2008 — Hiortdahl, Sandra M. “Grendel: John Gardner’s Reinvention of the *Beowulf* Saga.” PhD diss., The Catholic University of America, 2008.

Holley 1985 — Holley, Linda T. “John Gardner’s Notes from Underground.” *Interpretations* 16, no. 1 (Fall 1985): 105–111.

Howell 1993 — Howell, John M. *Understanding John Gardner*. Columbia: University of South Carolina Press, 1993.

Kalashnikov 2020 — Kalashnikov, Anton A. “Ritual'no-mifologicheskii aspekt poetiki romana Dzhona Gardnera *Krushenie Agatona*” [“Ritual and Mythological Aspect of the Poetics of John Gardner's novel *The Wreckage of Agathon*”]. In *Amerikanistika na Dal'nem Vostoke: ezhegodnyi biulleten' [American Studies in the Far West: Annual Bulletin]*, edited by Dmitrii V. Kuznetsov, 148–154. Blagoveshchensk: Blagoveshchensk State Pedagogical University Publ., 2020. (In Russ).

Lipinskaia 2003 — Lipinskaia, Anastasia A. *Roman Dzhona Gardnera “Grendel” v kontekste filologicheskikh issledovaniy avtora [John Gardner's Novel “Grendel” in the Context of Its Author's Philological Studies]*. PhD diss., St. Petersburg University, 2003. (In Russ).

Malinovskii 2004 — Malinovskii, Bronislav K. “Mif v primitivnoi psikhologii” [“Myth in Primitive Psychology”], translated by V.G. Nikolaev. *Vestnik kul'turologii* [*Herald of Culturology*] 28, no. 1 (2004): 40–94. (In Russ).

Mason 1985 — Mason, Kenneth C. “Of Monsters and Men: Sartrean Existentialism and John Gardner’s *Grendel*.” In *Thor’s Hammer: Essays on John Gardner*, edited by Jeff Henderson, 101–112. [Conway]: University of Central Arkansas Press, 1985.

Minugh 1978 — Minugh, David. “John Gardner Constructs *Grendel*’s Universe.” In *Studies in English Philology, Linguistics and Literature*, edited by Mats Ryden and Lennart A. Bjork, 125–141. Stockholm: Almqvist & Wiskell, 1978.

Monkevich 2019 — Monkevich, Mikhail A. *Obraz Khrista i ideia pochvy* (*A.A. Grigor'ev — F.I. Tiutchev — F.M. Dostoevskii*) [*The Image of Christ and the Idea of Soil*]. St. Petersburg: Russian Christian Humanitarian Academy Publ., 2019. (In Russ).

Morris 1984 — Morris, Gregory L. *A World of Order and Light: The Fiction of John Gardner*. Athens: University of Georgia Press, 1984.

Silesky 2004 — Silesky, Barry. *John Gardner: Literary Outlaw*. Chapel Hill: Algonquin Books, 2004.

Toporov 1988 — Toporov, Vladimir N. “O rituale. Vvedenie v problematiku” [“On Ritual: An Introduction”]. In *Arkhaicheskii ritual v fol'klornykh i ranneliteraturnykh pamiatnikakh* [*Archaic Ritual in Folklore and Early Literature*], edited by Elena S. Novik, 7–60. Moscow: Nauka Publ., 1988. (In Russ).

Winther 1992 — Winther, Per. *The Art of John Gardner: Instruction and Exploration*. Albany: State University of New York Press, 1992.

© 2021, А.А. Калашников

© 2021, Anton A. Kalashnikov

Дата поступления в редакцию: 05.04.2021

Дата одобрения рецензентами: 30.04.2021

Дата публикации: 25.05.2021

Received: 5 Apr. 2021

Approved after reviewing: 30 Apr. 2021

Date of publication: 25 May 2021